

РОЛЬ «МИМЕЗИСА» В ФОРМИРОВАНИИ МОРАЛЬНОЙ ЛИЧНОСТИ

Эта статья посвящена проблеме определения роли «мимезиса» в сотворении моральной личности. Фундаментальными особенностями этого исследования являются следующие: системный анализ различных аспектов понимания концепции «мимезиса» Платоном и Аристотелем, использование глобальной мировой сети для поиска современных интерпретаций термина «мимезис», сопоставление разнообразных проявлений феномена «мимезиса» в культуре и негативных моментов его коммерческой эксплуатации.

Ряд кризисных явлений в области социализации и воспитания современного поколения требует тщательного анализа основных тенденций развития современной культуры. Современные дети и молодёжь по-иному воспринимают окружающий их мир, который всё больше становится виртуальным и оторванным от реальности. Актуальность рассмотрения роли «мимезиса» – подражания в формировании моральной личности – обусловлена всё большей зависимостью детей, подростков и их родителей от стереотипов поведения и примеров для подражания, возникающих из «ниоткуда» и тиражируемых средствами массовой информации и коммуникации (телевидение, радио, киноиндустрия, интернет, мобильная связь).

Целью данной работы является выяснение сущности понятия «мимезис» и его этимологии в культуре, гносеологии, искусстве, средствах массовой информации и глобальных сетях.

Иррациональная тенденция манипулирования человеком опасна тем, что невозможно просчитать все возможные варианты развития социума в условиях нарастающего глобального культурного и экологического апокалипсиса. Для выяснения сущности данной тенденции целесообразно взглянуть на этимологию понятия «мимезис». Выдающийся русский философ-антиковед А.Ф. Лосев в «Истории античной эстетики» предпринимает попытку дать тезаурус понимания данного слова в диалогах Платона. Он говорит, в частности, о том, что «этимология слова “мимезис” неясна, и параллелей в других индоевропейских языках оно, вероятно, не имеет. В пользу предположения, что это слово из языка догреческого населения, говорит тот факт, что в эпической поэзии оно не встречается. Учитывая, что все ранние места, где встречается данное слово, имеют отношение к танцу (Нот. Нумн. Apoll. II 163), Г. Коллер высказывает предположение, что *mimoi*, о которых говорит Эсхил (Strabon, X 3, 16), – это актеры дионисийского оргиастического культа... Ведь Дионис – не собственно греческий бог, это пережиток древнейшей догреческой религии. Таким образом, мимезис, по Г. Коллеру, есть первоначально танцевальное представление, в котором объединяются слово, ритм и гармония» [1, с. 19]. Очевидно, что мимезис – это древний танец хтонических культов, который имеет иррациональную природу своего первоначального происхождения. Следует обратить внимание на тот факт, что подражание движениям животных, звукам природы, трудовым операциям соплеменников является ключевым моментом в формировании человека в ходе исторического развития народов. Например, в финикийском слове «пур» слышится шум костра, в греческом слове « η $\theta\acute{\alpha}\lambda\alpha\sigma\sigma\alpha$ » – шум морского прибоя, в английском слове «ахе» – звук топора. Сама речь человека – это результат подражания ребёнку звукам, услышанным от родителей: на каком языке они говорят, на таком языке и будет говорить, мыслить и воспринимать действительность ребёнок.

У Платона в диалоге «Кратил», отданном на изучение филологам из-за обилия древнегреческих терминов и «изощенной этимологии», можно обнаружить истоки трех мощных философских направлений современности, так или иначе развивающих первоначальное понимание «мимезиса»: «во-первых, герменевтики, т.к. речь здесь идет об истолковании как “божественных” имен, так и обыденных имен, в том числе и участника диалога Гермогена, буквально “рожденного Гермесом” и никоим образом не соответствующего своему имени; во-вторых, феноменологии, т.к. речь в диалоге идет о различии образа вещи, т.е. ее смысла и имени вещи (слова, которое этой вещи может не соответствовать, т.е. феномен вещи отличен от ее ноумена; в-третьих, экзистенциализма, т.к. сама богиня Гестия (хранительница очага в доме) выступает здесь как олицетворение сущности вещи и слова, т.е. истинного значения, смысла того и другого; путем этимологии можно узнать, как Гестия превращается в естию, т.е. “сущность”, вследствие утраты значка густого придыхания» [2, с. 9]. Очевидно, что в «Кратиле» Платона «мимезис» понимается как положительное свойство человека, позволяющее в ходе подражания божественным именам «эйдосам» – образцам – ориентироваться в окружающем мире. В «Государстве» понятие «мимезис» приобретает негативный оттенок. Это вид «сноровки» – приспособления человека к социальной среде «жирующего большинства». Комедии и трагедии, поставленные за деньги на сцене, способствуют трансформации эллина из активного участника действия «драо» в пассивного зрителя – «с помощью “катарсиса”, получающего своеобразное очищение от невзгод обыденной жизни, и актёра – с помощью “мимезиса” подражающего реалиям бытовых проблем. На сцену – алтарь, где ранее происходило общение с Богом посредством жертвы, была вынесена вся грязь окружающего человека мира страстей и измен» [3, с. 30]. Вероятно то, что универсализм и искренность древнего грека превращаются в односторонность и наигранность при решении жизненных проблем. Слова Вильяма Шекспира: «Вся жизнь игра, а люди в ней актёры» стали актуальными ещё во времена Платона.

На двойственное отношение Платона к роли «мимезиса» в формировании личности древнего грека указывает Р. Лодж, полагая то, что «с одной стороны, миметическое искусство через вдохновение художника открывает людям тайну богов, оно необходимо при воспитании; с другой стороны, оно изгоняется из идеального государства» [1, с. 18]. Следует констатировать тот факт, что у Платона здесь нет противоречия: подражание низким вещам действительно недостойно гражданина, подражание же высоким – похвально. Другой исследователь античной философии В. Вердениус на материале ряда диалогов приходит к выводу, что «во взглядах на искусство Платон был отчасти близок к современной эстетике, когда в ряде диалогов говорил о следующих аспектах искусства: художник творит, когда им руководит вдохновение. Тем не менее, он привносит в свой образ многое от своей личности. Материал, которым пользуется художник, тривиален. Содержание, вытканное им из этого материала, высоко. Искусство есть “мечта и сон” (Sophist. 266 с.)» [1, с. 18]. Можно попытаться объяснить двойственное отношение Платона к роли мимезиса в формировании личности, опираясь на другое ключевое понятие его философии – [amnezis] – припоминание забытого. Платон в своей гносеологии полагал, что ребёнок обладает актуальной потенцией восприятия познаваемого им объекта. Все знания, которые получает ребёнок, это результат мимезиса, понимаемого как процесс, в ходе которого «влюбленный учитель зажигает в возлюбленном ученике некий поток – истечение (имерос), которое пробуждает в ученике жажду знания, и он не замечает, что это не его плоды, и не его знания, а семена учителя, давшие обильные всходы... в каждом человеке, в данном случае юноше-ученике, содержится врожденная потенция восприятия. Задача учителя – разбудить спящее в нем знание “правильного треугольника”, т.е. треугольника вообще или то, что позже у Платона получило название идеи прекрасного. Современная психофизика называет это активностью головного мозга: чтобы сделать правильное заключение о чем-то, мы должны априорно обладать структурой правильного, истинного суждения» [2, с. 8].

В диалоге «Тимей» Платон прямо говорит о том, что человек в течение всей своей жизни должен противостоять колебательным движениям соблазнов материального мира, именуемого им «Матерью – кормилицей». С помощью творчества – танца, поэзии, написания диалогов – он имеет возможность восстановить в себе тождественность вращения небесных сфер, аналогии гончарного круга, который вращает $\delta\eta\mu\omicron\upsilon\rho\omicron\varsigma$ – демиург (дословный перевод с древнегреческого – гончар. – Г.О.), позже преобразившийся в христианского Бога-Отца. Вероятно то, что эту тождественность можно трактовать как знание о том мире, из которого был заброшен в этот мир человек.

В связи с этим хотелось бы провести аналогию с гносеологией Макса Шелера, который на основе анализа конкретного биологического материала в антропологической работе «Положение человека в космосе» подтверждает данную Ницше характеристику человека как «больного животного». Шелер ищет не сходства человека с животным, как, например, сравнительная антропология, а полагает нездешность человека, его заброшенность в этот мир. Человек принял эту биологическую форму в виде тела – принял и забыл о своём космическом божественном предназначении. Теонимическая (тео – бог, *nomos* – имя) подоснова этого учения ведёт к тому, что первые два способа познания мира – эмоционально-деятельный и метафизически-созерцательный – подчиняются третьему более высокому и совершенному знанию – «спасающему знанию». В конце своей фундаментальной работы Шелер делает вывод: «Человек – *homo-naturalis* – есть животное, которое забыло о своей природной сущности, поэтому он был животным, есть животное и вечно будет животным». Очевидно то, что пессимизм Шелера базируется на социальных факторах жизни человека – ведь из-за суеты человеку некогда задуматься и вспомнить о том, кем он был и кем он может стать, если реализует свое космическое предназначение на Земле. Современные исследования учёных подтверждают этот факт: анализ ДНК показал, что между *homo hobelius* (человеком умелым) и *homo sapiens* (человеком разумным) нет генетической связи. Кроманьонец появился 40 тысяч лет назад буквально из «ниоткуда».

Исходя из вышеизложенного, можно сделать следующие выводы о том, какую роль в диалогах Платона играет понятие «мимезис» в формировании моральной и творческой личности.

Во-первых, мимезис понимается Платоном как субъект-объектный процесс познания мира. Ребёнок, подражая тождественному вращению небесных сфер, активизирует заложенное в нём – субъекте познания – изначально космическое знание, и в то же время, подражая учителю, природе, идее какой-то созданной человеком вещи как образца для подражания, ребёнок приспосабливается к окружающей его социальной среде. Мимезис перестает быть только подражанием предмету, оно делается подлинным и реальным его порождением, даже его производством – физическим, психологическим, общественным и космическим.

Во-вторых, мимезис рассматривается у Платона как становление – процесс, в ходе которого ребёнок, ученик, эфеб, воин, полит, отец, почтенный старец учатся исполнять разные роли. Вот почему мимезис отличается разными степенями субъективности или объективности, которые непрерывно переходят одна в другую, то как «спорная» в поварском деле, то как искусство – [*tekne*] – творения нового из дотоле неизведанного.

В-третьих, мимезис трактуется Платоном как подражание в смысле танцевального искусства, которое претерпевает изменения – от прекрасного и телом, и душой мальчика, ставшего ещё более прекрасным, придя в танцевальное движение в «Хармиде», до [*gyumnikorpedos*] обнажённых мальчиков, исполняющих священный танец в честь бога Солнца Аполлона в диалоге «Государство». Мимезис – подражание становится настолько универсальным, что А.Ф. Лосев в «Античной эстетике» восклицает: «Все идеальное государство, оказывается, только и знает, что петь и танцевать, воплощая тем самым в себе целый идеальный мир» [1, с. 18].

Ученик Платона, Аристотель, которому незаслуженно приписывают авторство понятия «мимезис», сводит его к формальной способности актёра вызвать у зрителя смех в комедии или плач в трагедии. Утверждают, что ранний Аристотель под влиянием Платона в основанной им академии писал прекрасные диалоги, подражая учителю – «О поэтах», «О риторике». Римский философ и историк Цицерон обращал внимание на то, что Аристотель «изливал золотой поток красноречия» (Acad. pr. II 33, 119). После смерти Платона, когда к руководству Академией пришёл Спевсипп, Аристотель вступил с ним в конфликт и покинул Сады Академа. Следует предположить, что он, подражая Платону или в обиду на него, сжигает свои диалоги. Отныне диалог сменяется монологом, творческий поиск незабвенного – формально-силлогистическим навыком констатации факта, диалектика живой природы – метафизикой абстрактных умозаключений. Аристотель ограничивает понятие «мимезис» областью искусства. Это ограниченное понимание «мимезиса» сохранилось вплоть до наших дней. Например, Британская энциклопедия даёт следующее определение понятию «мимезис»: **«basic theoretical principle in the creation of art. The word is Greek and means “imitation” (though in the sense of “re-presentation” rather than of “copying”)**» [4]. Буквальный перевод этого определения «мимезиса» следующий: **«основной теоретический принцип в создании художественных произведений. Слово греческого происхождения и означает “имитацию” (но в смысле “репрезентации” больше, чем “копирования”)**» (перевод – О.Д. Галазюк).

Альтернативу такой упрощённой трактовке понятия «мимезис» составляет философская точка зрения Максима Борозенца, который в публикации «Карманный Армагеддон» утверждает то, что «теория мимезиса, описанная в “Поэтике” Аристотеля, восходит к мифопоэтическому образу пещеры, описанному в диалоге Платона “Государство”. В нем люди (будто те самые летучие мыши, ставшие символом магического мимезиса), прикованные к одному аспекту созерцания реальности, способны рассмотреть не истинные вещи, а только их тени на стене пещеры. Фантастические Создания (Франкенштейн Шелли, Шариков Булгакова) берут своё начало, безусловно, в идее гомункулуса (лат. homunculus – человек) – в представлении средневековых алхимиков, существо, подобное человеку, которое можно получить искусственным путём, то, что, по сути, является демоническим влечением мужского разума создать свое продолжение без женщины» [5, глава 2]. Плод человеческого воображения, появившиеся из ниоткуда Дракула, Франкенштейн, разнообразные гибриды человека: человек-муха, человек-паук, человек-летучая мышь – обрели реальную, а не виртуальную жизнь. Они разгуливают по улицам городов, садятся за парты, убивают одноклассников, прочно засеив в головах подражающих им детей, подростков, взрослых. Мимезис – подражание, понимаемое как обезьянничание или социализация, является глобальным свойством всего человечества. Маленький, невинный и прекрасный малыш может стать или новым Моцартом, или «мальчиком-кошкой», или «девочкой-собакой». Его будущее зависит от того, кому, как и где он будет подражать, какие образцы, стереотипы, идеалы предложит ему общество. Глобальные инструменты манипуляции сознанием человека лепят детей, подростков и взрослых вместо почившего, словами Ницше, Бога. Создательница «Гарри Поттера и смертельных мощей» Джоан Роулинг, начинавшая с салфеток в кафе при написании «Гарри Поттера и философского камня», на которых творила своих персонажей, никак не может остановиться. Каких еще уродливых монстров родит её большое воображение в погоне за очередным миллиардом долларов?

Другой писатель, автор «Маленького принца», Антуан де Сент-Экзюпери, в работе «Планета людей» рисует картину возвращающихся из Франции польских рабочих – иммигрантов. Как гальку по песку качает их вагон мчащегося в ночи поезда жизни, и среди грубых тел прекрасный младенец – мальчик. Ответ на вопрос: «Кем станет он, комком без духа глины иль Моцартом?», вероятно, зависит от всего человечества. Платон в диалоге «Федр» устами Сократа отказывается выяснять, «как выглядели на самом деле гипо-

кентавры, затем химеры ...оравы горгон и пегасов ...и других несметные скопища нелепых чудовищ, ...так как я исследую не их, а самого себя: кто я – чудовище, сложнее и яростнее Тифона, или же существо более кроткое и простое, и хоть и скромное, но по своей природе причастное к какому-то божественному уделу?» [6, с. 230А] Возвращаясь из античности в наш XXI век, следует сказать то, что «виртуальность очертила внятные границы глобализованного разума. Куда бежать, если уже все ясно, и любой клочок земного шара открыт в программе Google Earth. За что умирать, если любой запретный плод уже выброшен на задворки супермаркета как потерявший товарный вид? Свобода – твердыня в кодексе европейских идеалов, перетрактовалась как эскапизм, как благодатный сон трудолюбивого разума, на деле осуществляемый еще более механическими процессами, чем те, от которых якобы следует отдыхать» [5, глава 2]. Телевидение, Интернет, Мобильные Сети Beeline и Мобильной диктуют человеку стереотипы поведения и ни на минуту не оставляют его одного. Бегство от реальности оборачивается болезненной эйфорией, суррогатом эрзац-удовольствий сродни наркотическому опьянению.

Выход из этой тупиковой ситуации возможен, если понимать «мимезис» не как подражание, а как вечный бескорыстный поиск собственной неповторимости, а следовательно, и вечности. Пусть дети рисуют, подростки – танцуют, взрослые – поют. Пусть все люди любят не только себя, но и породившую их природу. Необходимо создать сферу творчества, некий кокон, в котором, как в лоне матери, можно было бы укрыться от агрессивных ветров грядущего культурного и экологического апокалипсиса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лосев А.Ф. История античной эстетики. – М., 2004. – Т. 3.
2. Галазюк О.Д., Литвиненко А.Н. Проблема иррационального в диалогах Платона // Наука. Релігія. Суспільство. – 2002. – № 2.
3. Галазюк О.Д. Иррациональное основание полифонии культуры европейской цивилизации // Наука. Релігія. Суспільство. – 2005. – № 4.
4. Encyclopedia Britannica online. Результат поиска “mimesis”. – Режим доступа: <http://www.britannica.com/eb/article-9052776/mimesis/>
5. Борозенец Максим. Карманный Армагеддон. Библиотечка Эгоиста. Топос – литературно-философский журнал. – Режим доступа: <http://topos.ru/article/5576>
6. Платон. Собрание сочинений: В 4 т. – М., 1992. – Т. 2.

О.Д. Галазюк

Роль «мимезису» у формуванні моральної особистості

Ця стаття присвячена проблемі визначення ролі «мимезису» у створенні моральної особистості. Фундаментальними особливостями даного дослідження є наступні: системний аналіз різних аспектів розуміння концепції «мимезису» Платоном та Аристотелем, використання глобальної світової мережі для пошуку сучасних інтерпретацій терміна «мимезис», порівняння різнобічних проявів феномену «мимезису» у культурі та негативних моментів його комерційної експлуатації.

O.D. Galaziuk

The Role “Mimesis” in Creation of Moral Personality

This article is devoted to the problem of role “mimesis” determination in creation moral personality. Fundamental peculiarities of this investigation are following: system analysis of different aspects of understanding the concept “mimesis” by Plato and Aristotle using the World-Wide Web for searching of modern interpretation the term “mimesis”, comparison of various phenomena’s “mimesis” in culture and negative moments of its commercial exploitation.

Стаття постуила в редакцію 11.12.2007.